

Огонь, совсем как огонь. Вот первые произнесенные загипнотизированным мальчиком слова. Несмотря на опаснейшие раны — сотни ножевых ран на лице, ногах, груди, на спине, подошвах, на шее и затылке, — его решили погрузить в глубокий гипноз. Может быть, тогда его глаза увидят произошедшее.

— Я хочу зажмуриться, — пробормотал он. — Иду на кухню, но не могу войти. Между стульями трещит, красный огонь горит на полу.

Полицейский, который нашел мальчика в доме среди трупов, принял его за мертвого. Мальчик потерял много крови, был в шоковом состоянии и не приходил в сознание семь часов.

Он оказался единственным выжившим свидетелем. Комиссар криминальной полиции Йона Линна надеялся, что мальчик сумеет примерно описать убийцу. Преступник с самого начала намеревался убить всех и поэтому, возможно, не позаботился о том, чтобы скрыть лицо во время совершения преступления.

Но не будь обстоятельства дела столь исключительными, никому бы и в голову не пришло обратиться к гипнотизеру.

В греческой мифологии бог Гипнос — крылатый юноша с маковыми головками в руках. Его имя означает “сон”. Он — брат-близнец смерти, сын ночи и тьмы.

Термин “гипноз” в его современном значении впервые был использован в 1843 году шотландским хирургом Джеймсом Брейдом. Этим термином Брейд обозначал похожее на сон состояние обостренного внимания и повышенной восприимчивости.

В наши дни научно установлено, что гипнозу поддаются почти все люди. Однако единого мнения насчет использования, допустимости и опасности гипноза до сих пор не существует. Вероятно, отчасти это следствие того, что гипнозом злоупотребляли мошенники, эстрадные артисты и разведслужбы всего мира.

Чисто технически погрузить человека в состояние гипноза легко; трудно контролировать процесс, сопровождать пациента, анализировать и толковать результаты. Только имея большой опыт и талант, можно по-настоящему овладеть искусством глубокого гипноза. Подлинных врачей-гипнотизеров в мире так мало, что их можно пересчитать по пальцам.

Глава 1

Ночь на восьмое декабря

Эрика Марию Барка вырвал из сна телефонный звонок. За секунду до пробуждения он услышал собственный голос, жизнерадостно произносящий:

— Шарики и серпантин.

От внезапного пробуждения тяжело колотилось сердце. Эрик не знал, что означают слова про шарики и серпантин, и понятия не имел, что ему приснилось.

Чтобы не разбудить Симоне, он выскользнул из спальни, закрыл за собой дверь и лишь после этого сказал в трубку:

— Эрик Мария Барк.

Комиссар криминальной полиции по имени Йона Линна спросил, достаточно ли он проснулся, чтобы выслушать важную информацию. Эрик стал слушать комиссара. Мысли все еще падали в темное пустое пространство, оставшееся после сна.

— Я слышал, что вы прекрасно разбираетесь в тяжелых травмах, — сказал Йона Линна.

— Верно, — коротко ответил Эрик.

Слушая комиссара, он принял болеутоляющее. Полицейский объяснил, что ему нужно допросить свидетеля. Пятнадцатилетний мальчик стал свидетелем двойного убийства. Проблема в том, что мальчик тяжело ранен. Его состояние нестабильно, он в шоке и без сознания. Ночью его перевели из неврологического отделения в Худдинге в нейрохирургию Каролинской университетской больницы, что в Сольне.

— Кто лечащий врач? — спросил Эрик.

— Даниэлла Рикардс.

— Очень компетентный специалист, я уверен, что она справится..

— Это она захотела, чтобы я вам позвонил, — перебил его комиссар. — Ей нужна ваша помощь, и как можно скорее.

Эрик вернулся в спальню за одеждой. Через жалюзи пробивались полоски света от уличных фонарей. Симоне лежала на спине; она посмотрела на мужа странным пустым взглядом.

— Я не хотел тебя будить, — сказал он вполголоса.

— Кто звонил? — спросила она.

— Какой-то полицейский... комиссар, я не расслышал, как его зовут.

— Что случилось?

— Мне нужно поехать в Каролинскую больницу. Надо помочь им с одним мальчиком.

— А сколько времени?

Симоне посмотрела на будильник и закрыла глаза. На ее веснушчатых плечах отпечатались складки простыни.

— Спи, Сиксан, — прошептал Эрик.

Эрик унес одежду в прихожую, включил свет и торопливо оделся. Какие-то лезвия металлически блеснули за спиной. Эрик обернулся и увидел, что сын повесил коньки на ручку входной двери, чтобы не забыть их. Хоть Эрик и спешил, он подошел к шкафу с одеждой, вытащил сундучок и стал искать чехлы для коньков. Надел чехлы на острые лезвия, положил коньки на коврик в прихожей и вышел из квартиры.

Часы показывали три часа ночи, был четверг, 8 декабря. Эрик Мария Барк сел в машину. Снег тихо падал с темного неба. Было абсолютно безветренно, и тяжелые снежинки сонно ложились на пустые улицы. Эрик повернул ключ в зажигании, и мягкой волной потекла музыка — Майлз Дэвис, “Kind of Blue”.

Город спал. Эрик быстро выехал с Лунтмакаргатан и поехал по Свеавэген, к Норртуллю. За снегопадом Бруннsvикен казался огромной темной щелью. Эрик медленно подъехал к больничному комплексу, покатил между больницей Астрид Линдгрэн (там не хватает персонала) и родильным домом, мимо онкологической клиники и психиатрии, остановился на своем обычном месте перед нейрохирургической клиникой и вышел из машины. В окнах высокого здания отражался свет уличных фонарей. На парковке для посетителей — несколько машин. Дрозды возились в темных деревьях, хлопая крыльями. Эрик заметил, что шум с автострады в это время не слышен.

Он сунул магнитный пропуск в считывающее устройство, набрал шестизначный код и вошел в холл, поднялся на лифте на пятый этаж и пошел по коридору. Свет люминесцентных ламп блеснул на синем линолеуме, как лед в канаве. Лишь теперь Эрик ощутил уста-

лость после внезапного выброса адреналина. Сон был прекрасным, от него до сих пор осталось ощущение счастья. Эрик прошел мимо операционной, мимо дверей огромной барокамеры, поздоровался с медсестрой, и в его памяти снова всплыло то, что рассказал по телефону комиссар: мальчик весь изранен и истекает кровью, потеет, не хочет лежать, мечется и постоянно просит пить. С ним пытаются поговорить, но его состояние быстро ухудшается. Его сознание уплывает, пульс учащается, и лечащий врач Даниэлла Рикардс приняла твердое решение не пускать полицейских к пациенту.

У дверей отделения №18 стояли двое полицейских в форме. Эрик подошел к ним; ему показалось, что на их лицах проступает беспокойство. Может быть, они просто устали, подумал он, останавливаясь перед ними и представляясь. Один из полицейских бросил взгляд на удостоверение личности и нажал на кнопку. Дверь с шипением открылась.

Эрик вошел и пожал руку Даниэлле Рикардс. Заметил напряженно сжатый рот, подавляемую нервозность в движениях.

— Налей себе кофе, — предложила она.

— У нас есть время? — спросил Эрик.

— С кровоизлиянием в печень я справилась.

Какой-то мужчина лет сорока пяти, в джинсах и черном пиджаке, постукивал по корпусу кофейного автомата. Взъерошенные светлые волосы, губы серьезно сжаты. Наверное, это муж Даниэллы, Магнус, подумал Эрик. Он его никогда не встречал, только видел фотографию у нее в кабинете.

— Это твой муж? — спросил Эрик, указывая на мужчину.

— Что? — Даниэлла как будто слегка удивилась.

— Я подумал — может, Магнус приехал с тобой.

— Нет, — усмехнулась она.

— Точно? Я могу у него спросить, — пошутил Эрик и направился к мужчине.

У Даниэллы зазвонил мобильный, и она, досмеиваясь, открыла крышку.

— Эрик, перестань, — сказала она, поднося телефон к уху. — Даниэлла.

Послушала, но ничего не услышала.

— Алло?

Даниэлла подождала несколько секунд, потом иронически произнесла гавайское “алоха”, нажала “отбой” и повернулась к Эрику.

Он уже подошел к светловолосому. Кофейный автомат шумел и шипел.

— Выпейте кофе, — предложил мужчина, пытаясь сунуть стаканчик Эрику в руки.

— Нет, спасибо.

Мужчина попробовал кофе и улыбнулся. На его щеках появились ямочки.

— Вкусный, — сказал он и снова попытался дать стаканчик Эрику.

— Я не хочу.

Мужчина отпил еще, глядя на Эрика.

— Можно одолжить у вас телефон? — вдруг спросил он. — Если это удобно. Я забыл свой в машине.

— И теперь вы хотите взять мой телефон? — сдержанно поинтересовался Эрик.

Светловолосый кивнул и посмотрел на него. Глаза у него были светлые, серые, словно полированный гранит.

— Можете взять мой еще раз, — предложила Даниэлла.

— Спасибо.

— Не за что.

Светловолосый взял телефон, посмотрел на него, потом поднял глаза на Даниэллу:

— Обещаю вернуть.

— Все равно только вы по нему и звоните, — пошутила она.

Мужчина рассмеялся и отошел в сторону.

— Нет, это все-таки твой муж, — сказал Эрик.

Даниэлла с улыбкой помотала головой, потом устало огляделась. Потерла глаза, размазывая по щекам серебристо-серый карандаш.

— Я взгляну на пациента? — спросил Эрик.

— Конечно, — кивнула она.

— Раз уж я все равно здесь, — торопливо добавил он.

— Эрик, я с удовольствием выслушаю твое мнение, а то я себя чувствую не очень уверенно.

Даниэлла открыла тяжелую дверь, и Эрик следом за ней вошел в теплую палату по соседству с операционной. На койке лежал худенький мальчик. Две медсестры перевязывали ему раны. Сотни резаных и колотых ран, буквально по всему телу. На подошвах, на груди и животе, на шее, на самом темени, на лице, на руках.

Пульс был слабый, но очень быстрый. Губы серые, как алюминий, мальчик весь в поту, глаза закрыты. Нос как будто сломан. Кровоподтек расплзался темным пятном от шеи и ниже, по всей груди.

Эрик заметил, что у мальчика, несмотря на раны, красивое лицо.

Даниэлла начала было тихо рассказывать о состоянии мальчика и вдруг замолчала — в дверь постучали.

Опять этот светловолосый. Он помахал им через стеклянное окошко в двери.

Эрик и Даниэлла переглянулись и вышли из послеоперационной. Светловолосый снова стоял возле шипящего кофейного автомата.

— Большая чашка капучино, — сказал он Эрику. — Вот что вам нужно, прежде чем поговорить с полицейским, который нашел мальчика.

Только теперь Эрик сообразил, что светловолосый — комиссар полиции, разбудивший его меньше часа назад. Его финский выговор был не так слышен по телефону, или же Эрик так устал, что не заметил его. Он спросил:

— С какой стати мне встречаться с полицейским, который нашел мальчика?

— Чтобы понять, о чем я буду его спрашивать...

Йона умолк: зазвонил телефон Даниэллы. Он вытащил его из кармана и, не обращая внимания на ее протянутую руку, бросил торопливый взгляд на дисплей.

— Это меня, — сказал Йона и ответил: — Да.. Нет, он мне нужен здесь. Ладно, но мне на это наплевать.

Комиссар, улыбаясь, послушал, как протестует коллега, и добавил:

— Хотя я кое-что заметил.

На том конце что-то завопили.

— Делаю, как считаю нужным, — спокойно ответил Йона и закончил разговор.

С тихим “спасибо” он вернул телефон Даниэлле.

— Мне нужно побеседовать с пациентом, — серьезно объяснил он.

— Увы, — сказал Эрик. — Я согласен с заключением доктора Рикардс.

— Когда он сможет поговорить со мной? — спросил Йона.

— Пока он в состоянии шока, ничего не выйдет.

— Я знал, что вы так ответите, — очень тихо сказал Йона.

— Состояние все еще критическое, — пояснила Даниэлла. — Легочная плевра повреждена, тонкая кишка, печень и...

Вошел человек в запачканной полицейской форме. Тревожный взгляд. Йона помахал ему, пошел навстречу и пожал руку. Он что-то вполголоса сказал; полицейский прижал ладонь ко рту и посмотрел на врачей. Комиссар повторил полицейскому, что все в порядке, врачам надо знать обстоятельства, им это очень поможет.

— Да, ну, значит... — произнес полицейский и тихо откашлялся. — Нам по рации сообщили, что уборщик нашел мертвого мужика в туалете, в спортклубе в Тумбе. Ну, мы сразу на Худдингевэген садимся в машину, там надо свернуть на Далавэген и прямо к озеру. Янне, мой напарник, — он вошел, когда я допрашивал уборщика. Сначала мы решили, что это передоз, но я скоро понял, что тут другое. Янне вышел из раздевалки, у него все лицо было белое, и он как будто не хотел меня туда пускать. Раза три сказал “Ну и кровящи”, сел прямо на лестницу и...

Полицейский умолк, сел на стул и устался перед собой, полуоткрыв рот.

— Не хотите продолжить? — спросил Йона.

— Да... Скорая приехала к клубу, мертвеца опознали, а мне велели известить родственников. У нас народу не хватает, ну и мне пришлось ехать одному. Потому что моя начальница, она сказала, что типа не хочет отправлять туда Янне в таком состоянии и что это понятно.

Эрик взглянул на часы.